

Л.В. Суханова

Воланд

ВОЛАНД — герой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», сатана, выступающий в облике «профессора черной магии» Впервые он появляется в Москве на Патриарших прудах весной, в час «небывало жаркого заката». Воланд предстает перед двумя литераторами: председателем правления Московской литературной ассоциации (МАССОЛИТ), редактором толстого литературного журнала Берлиозом и поэтом Иваном Николаевичем Бездомным.

Впоследствии оказалось, что Воланда в столице видели очень многие. «Разные учреждения» составляли сводки с описанием примет Воланда, но при сличении их оказалось, что «ни одна из этих сводок никуда не годится»

По первому впечатлению Воланд показался литераторам таким: «Ни на какую ногу описываемый не хромал, и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой — золотые. Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Серый берет он лихо заломил над ухом, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом — иностранец».

Чуть позднее обнаружилось, что левый глаз у Воланда «совершенно безумный, а правый — пуст, черен и мертв».

Обращал на себя внимание и громадный портсигар незнакомца — на золотой крышке его сверкал бриллиантовый треугольник.

«Иностранец» вмешивается в разговор Берлиоза и Бездомного, которые говорили о Христе. Действительно ли, спрашивает он, Берлиоз считает, что Христа не было? Получив подтверждение, незнакомец задает еще один вопрос: верят ли они в Бога?

На этот раз ответ еще более категоричен. «В нашей стране большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о Боге». После этого странный гражданин встает и пожимает изумленному редактору руку, восклицая: «Позвольте вас поблагодарить от всей души!»

И еще один вопрос задает неизвестный: «Ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?». — «Сам человек и управляет», — отвечает Иван. «Как же может управлять человек, если... он не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?.. Вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас... кхе... саркома легкого... Неужели вы скажете, что это он сам собою управлял так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой?» — и здесь незнакомец рассмеялся странным смешком».

Продолжая свои рассуждения, незнакомец замечает, что человек порой вообще не может знать, какова его участь даже в ближайшие часы. Берлиоз уверенно возражает оппоненту — он, Берлиоз, сегодня вечером председательствует на заседании МАССОЛИТа, это он знает точно. «Нет, этого быть никак не может, — твердо возразил иностранец. — Потому... что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила. Так что заседание не состоится». «Иностранец» даже находит нужным уточнить — голову Берлиозу отрежет русская женщина, комсомолка.

Это заявление звучит настолько нелепо, что Бездомный осведомляется — не приходилось ли их собеседнику бывать в лечебнице для душевнобольных? «Бывал,

бывал и не раз! – вскричал иностранец, смеясь... – Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения. Так вы уж сами узнайте это у него, Иван Николаевич!»

У поэта зарождается подозрение, что незнакомец «никакой не интурист, а шпион». Однако тот, прочитав его мысли, тотчас представляется: профессор, специалист по черной магии, приглашенный в Москву как консультант. «Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века. Так вот, требуется, чтобы я их разобрал. Я единственный в мире специалист».

Берлиоза эти объяснения несколько успокаивают, но тут профессор шепчет: «Имейте в виду, что Иисус существовал... И доказательств никаких не требуется...» И тут он рассказывает историю о Понтии Пилате и Иешуа.

Когда же Берлиоз пытается оспорить историческую достоверность сообщенных незнакомцем фактов, тот снова шепчет: «...Я лично присутствовал при всем этом. И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал...»

Последние слова профессора окончательно убеждают Берлиоза в том, что его собеседник сумасшедший. А тот еще и заявляет, что в ближайшем будущем он станет жить в квартире Берлиоза.

Внезапно профессор задает еще один вопрос: «А дьявола тоже нет?» Услышав очередное отрицание, незнакомец хохочет: «Что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет!»

Берлиоз, в голове которого царит полный сумбур, кидается к ближайшему телефону-автомату, звонить в бюро иностранцев, что заграничный консультант сидит на скамейке на Патриарших прудах явно в ненормальном состоянии.

Однако Аннушка, о которой упоминал «консультант», и в самом деле уже разбила бутылку с постным маслом на трамвайных рельсах. Берлиоз поскользнулся, и тотчас вылетевший из-за поворота трамвай накрыл его. С булыжного откоса скатилась отрезанная голова.

Профессор в компании громадного, неизвестно откуда появившегося кота, идущего на задних лапах, и какого-то «клетчатого типа» быстро удаляется с места происшествия. Потрясенный случившимся Иван Бездомный безуспешно преследует их.

Некоторое время спустя тот же иностранец, одетый в черное и в черном берете, возникает в квартире № 50 на Садовой улице 302-бис, где жили Берлиоз и директор Варьете Степа Лиходеев.

Консультант представляется Степе как профессор черной магии. Он также напоминает Лиходееву, что тот вчера подписал с ним, Воландом, контракт на семь выступлений в Варьете. Как и когда это произошло, Степа, как ни старался, решительно не мог вспомнить.

Вместе с Воландом появляется и его свита: странный субъект, длинный, как жердь, и в разбитом пенсне; громадный черный кот, говорящий по-человечески; третьим, прямо из зеркала, вышел «маленький, но необыкновенно широкоплечий, в котелке на голове и с торчащим изо рта клыком, безобразным и без того невиданно мерзкую физиономию. И при этом еще отчаянно-рыжий». Это были Коровьев, Бегемот и Азazelло. «И свита эта требует места, – заявил Воланд, – так что кое-кто из нас здесь лишний в квартире». Лишним, естественно, оказывается Лиходеев.

Воланд и его помощники проводят сеанс черной магии в театре Варьете. На сей раз Воланд появляется в дивно скроенном фраке и полумаске. «Кресло мне», – негромко приказал Воланд, и в ту же секунду, неизвестно как и откуда, на сцене появилось кресло, в которое и сел маг».

У своего ассистента, которого он величает Фаготом, Воланд осведомляется, насколько в последние годы изменилось московское народонаселение. Ответ приходит сам собой. Понаблюдав за поведением публики, Воланд заключает: «...Они люди как люди... Любят деньги, но ведь это всегда было. Человечество любит деньги, из чего бы те

ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну, легкомысленны... ну что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... Квартирный вопрос только испортил их...»

После того как Воланд и его свита обосновались в квартире Берлиоза, она становится «трижды проклятой квартирой». Любого ее посетителя ожидают неприятности.

Прежде всего это коснулось Степы Лиходеева, про которого Коровьев докладывает Воланду, что Лиходеев пьянствует, использует служебное положение во вред делам, которые он запустил, да и не умеет их выполнять как следует. «“Машину зря гоняет казенную, – наябедничал и кот. – <...> Брысь!!” – вдруг рывкнул он, вздыбив шерсть». Спальня завертелась вокруг Степы, он потерял сознание и очнулся... в Ялте.

Дядя покойного Берлиоза Поплавский, проживавший в Киеве, получает странную телеграмму: «Меня только что зарезало трамваем на Патриарших похороны пятницу три часа дня приезжай Берлиоз». Дядя, человек деловой, не захотел упускать московскую квартиру и потому тотчас же выехал в Москву.

В квартире № 50 его встречает суровый кот и требует паспорт, заявив при этом, что он бы нипочем не выдал столь никчемному субъекту паспорт. После такого вступления кот швыряет документ на пол и официальным тоном извещает прибывшего: «Ваше присутствие на похоронах отменяется...»

Появившийся Азazelло (клык, бельмо на глазу, нож за поясом) выводит Поплавского на площадку, вынимает из его чемодана громадную жареную курицу и со страшной силой бьет киевлянина по шее, после чего тот, не помышляя более о квартире, спешно возвращается в Киев.

Следующий визит в квартиру № 50 нанес буфетчик Варьете Андрей Фокич Скоков. Дверь ему отворила девица, на которой «ничего не было, кроме кокетливого кружевного фартучка и белой наколки на голове. На ногах, впрочем, были золотые туфельки. Сложением девица отличалась безукоризненным, но был единственный дефект в ее внешности — багровый шрам па шее». Это была служанка Воланда — ведьма Гелла.

При входе в комнату буфетчик «даже про дело свое позабыл, до того его поразило убранство комнаты. Сквозь цветные стекла больших окон... лился необыкновенный, похожий на церковный, свет. В старинном громадном камине, несмотря на жаркий весенний день, пылали дрова. А жарко между тем нисколько не было в комнате, и даже наоборот, входящего охватывала какая-то погребная сырость. Перед камином на тигровой шкуре сидел, благодушно жмурясь на огонь, черный котик».

На столе, покрытом церковной парчой, теснились заплесневевшие пыльные бутылки и блюдо из чистого золота, пахло крепчайшими духами и ладаном. Вдобавок ко всему из соседней комнаты вылетела большая сова.

На каком-то необъятном диване в небрежной позе раскинулся Воланд в одном черном белье и черных остроносых туфлях. На пальцах его сверкали драгоценные камни.

Услышав, что перед ним буфетчик Варьете, Воланд заговорил с большим жаром: «Нет, нет, нет! Ни слова больше! Ни в каком случае и никогда! В рот ничего не возьму в вашем буфете! Я... до сих пор не могу забыть ни осетрины, ни брынзы». — «Осетрину прислали второй свежести», – попробовал оправдаться буфетчик. «Свежесть бывает только одна — первая, она же и последняя. А если осетрина второй свежести, то это означает, что она тухлая!» – решительно отверг его доводы Воланд

Буфетчику с трудом удастся перевести разговор на то дело, с которым он пришел: некоторые зрители в буфете расплачивались деньгами, разбросанными в зале во время сеанса черной магии, а банкноты эти затем превратились в простую бумагу. «На сто девять рублей наказали буфет».

Как бы между делом Воланд интересуется, сколько у буфетчика сбережений («Ведь вы человек бедный?»). Андрей Фокич начинает мяться, но Коровьев из соседней комнаты громко дает исчерпывающие сведения о состоянии Скокова (двести сорок девять тысяч в пяти сберкассах и дома, под полом, двести золотых десятков). Новый

вопрос Воланда — «Вы когда умрете?» — вызывает у буфетчика возмущение: «Это никому неизвестно». И снова вмешивается Коровьев: «Умрет он через девять месяцев... от рака печени в клинике Первого МГУ в четвертой палате».

«Буфетчик сидел неподвижно и очень постарел. Щеки у него отвисли и нижняя челюсть отвалилась». В довершение всего в газете у него оказалась не резаная бумага, которую он принес в качестве доказательства, а настоящие червонцы.

Вконец обескураженный буфетчик выбрался от Воланда, шатаясь, как пьяный. На лестнице он все же не утерпел и проверил свой пакет — червонцы были на месте. Андрей Фокич хотел было уйти от греха подальше, но тут обнаружилось, что он забыл шляпу. Шляпы было жалко, и он возвратился.

Гелла подала ему шляпу и шпагу, но от последней буфетчик стеснительно отказался. На лестнице шляпа на голове Андрея Фокича вдруг превратилась в бархатный берет с петушиным пером, а берет — в черного котенка, который всеми когтями впился ему в лысину. «Вырвавшись на воздух, буфетчик рысью пробежал к воротам и навсегда покинул чертов дом № 302-бис».

В первой части романа никто (за исключением мастера, сразу угадавшего, с кем имел дело Иван Бездомный — «Вчера на Патриарших прудах вы встретились с сатаной») не называет Воланда дьяволом или сатаной. Для окружающих он — иностранец, незнакомец, консультант, профессор, артист, мессир. Однако в тексте содержатся многочисленные намеки на сущность Воланда. Именно к Воланду относится эпитафия из «Фауста» Гете: «...Так кто ж ты, наконец? — Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо...»

Во второй части книги «инкогнито» Воланда раскрывается. Одна из глав романа так и называется — «Великий бал у сатаны». Еще колеблющийся мастер спрашивает Маргариту: «Ты серьезно уверена в том, что вчера мы были у сатаны?» — и получает уверенный ответ: «Совершенно серьезно».

Именно традиционный ежегодный бал сатаны, иначе называемый весенним балом полнолуния, или балом ста королей, и есть одна из причин прибытия Воланда в Москву. Хозяйкой этого бала становится Маргарита.

Накануне бала возлюбленную мастера приводят к Воланду. Теперь апартаменты Воланда предстают в описании Маргариты Она «увидела широкую дубовую кровать со смятыми и скомканными простынями и подушкой. Перед кроватью стоял дубовый на резных ножках стол, на котором помещался канделябр с гнездами в виде когтистых птичьих лап. В этих семи золотых лапах горели толстые восковые свечи. ...На столике была большая шахматная доска с фигурками, необыкновенно искусно сделанными. <...> Был еще один стол с какой-то золотой чашей и другим канделябром, ветви которого были сделаны в виде змей. В комнате пахло серой и смолой».

На постели «сидел тот, кого еще совсем недавно бедный Иван на Патриарших убеждал, что дьявола не существует. Этот несуществующий и сидел на кровати. Два глаза уперлись Маргарите в лицо. Правый с золотой искрой на дне, сверлящий любого до дна души, и левый — пустой и черный, вроде как узкое игольное ухо, как выход в бездонный колодец всякой тьмы и теней. Лицо Воланда было скошено на сторону, правый угол рта оттянут книзу, на высоком облысевшем лбу были прорезаны глубокие параллельные острым бровям морщины. Кожу на лице Воланда как будто бы навеки сжег загар. Воланд широко раскинулся на постели, был одет в одну ночную длинную рубашку, грязную и заплатанную на левом плече. <...> Еще разглядела Маргарита на раскрытой безволосой груди Воланда искусно из темного камня вырезанного жука на золотой цепочке и с какими-то письменами на спинке».

Перед Воландом разместился странный глобус, на поверхности которого высвечивались и оживали разные квадратики суши. «Домик, который был размером в горошину, разросся и стал как спичечная коробка. Внезапно и беззвучно крыша этого дома взлетела наверх вместе с клубом черного дыма, а стенки рухнули. <...> Маргарита

разглядела маленькую женскую фигурку, лежащую на земле, а возле нее в луже крови разметавшего руки маленького ребенка».

Пока Маргарита осматривалась, Воланд играл с котом в волшебные шахматы, двигавшиеся как живые. Одновременно с этим, Гелла втирала Воланду в ногу какую-то пахучую дымящуюся мазь. «Приближенные утверждают, что это ревматизм, – говорил Воланд, не спуская глаз с Маргариты, – но я сильно подозреваю, что эта боль в колене оставлена мне на память одной очаровательной ведьмой, с которой я близко познакомился в тысяча пятьсот семьдесят первом году в Брокенских горах, на Чертовой Кафедре. <...> Лет через триста это пройдет».

На балу Воланд появляется в том же неприглядном виде, в каком он предстал перед Маргаритой, к тому же он еще и прихрамывает, опираясь на шпагу, как на трость.

Часы бьют полночь, и в эту минуту перед собравшимися предстает Воланд в окружении демонов — Абадонны и Аззелло и нескольких других, чем-то схожих с Абадонной, черных и молодых. Воланду подают на блюде отрезанную голову, у которой живут лишь одни глаза, полные мысли и страдания.

Это была голова Берлиоза. Воланд обращается к голове: «Михаил Александрович, все сбылось, не правда ли? <...> Вы всегда были горячим проповедником той теории, что по отрезании головы жизнь в человеке прекращается, он превращается в золу и уходит в небытие. <...> ...Все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой, каждому будет дано по его вере. Да сбудется же это! Вы уходите в небытие, а мне радостно будет из чаши, в которую вы превращаетесь, выпить за бытие». «Тут же покровы головы потемнели и съежились, глаза исчезли, и вскоре Маргарита увидела на блюде желтоватый, с изумрудными глазами и жемчужными зубами, на золотой ноге череп».

Последним гостем па балу, на которого обратил внимание Воланд, был барон Майгель — «служащий зрелищной комиссии в должности ознакомителя иностранцев с достопримечательностями столицы», сам напросившийся на бал «с целью подсмотреть и подслушать». Воланд бросает ему: «...Злые языки уже уронили слово — наушник и шпион».

Абадонна, демон-убийца, приближается к барону и на секунду снимает свои очки. «В тот же момент что-то сверкнуло в руках Аззелло, что-то негромко хлопнуло, как в ладоши, барон стал падать навзничь, алая кровь брызнула у него из груди и залила крахмальную рубашку и жилет».

Коровьев подставил чашу под бьющую струю и, когда чаша наполнилась, передал ее Воланду. Тот прикоснулся к ней губами и мгновенно преобразился. Теперь на нем была черная хламида, на бедре — стальная шпага.

Воланд поднес чашу Маргарите и повелительно приказал: «Пей!» У нее закружилась голова. С зажмуренными глазами Маргарита сделала глоток и... сладкий ток побежал по ее жилам, в ушах зазвенело. Все вокруг начало меняться: рушились колонны, толпы гостей распадались в прах, тление охватило весь огромный зал. Все вокруг съежилось и потемнело — и Маргарита снова оказалась в квартире № 50.

Воланд осведомляется, какого вознаграждения хотела бы Маргарита за исполнение роли хозяйки на его балу, подчеркивая, что она может потребовать только «одной вещи».

И Маргарита просит, чтобы Фриде (женщине, привлечшей внимание Маргариты в бесконечной череде представлявшихся ей гостей) перестали подавать платок, которым она удушила своего ребенка. «...Я уж не знаю, что и делать, – усмехается ее просьбе Воланд, – Остается, пожалуй, одно — обзавестись тряпками и заткнуть ими все щели моей спальни! <...> Я о милосердии говорю, – объяснил свои слова Воланд, не спуская с Маргариты огненного глаза. – Иногда совершенно неожиданно и коварно оно пролезает в самые узенькие щелки».

Не пожелав «наживать на поступке непрактичного человека в праздничную ночь», Воланд позволяет самой Маргарите объявить Фриде о прощении и снова спрашивает: «Что вы хотите для себя?»

И только успела Маргарита высказать свое желание, как «в комнату ворвался ветер, так что пламя свечей в канделябрах легло, тяжелая занавеска па окне отодвинулась, запахнулось окно...» и явился мастер.

«Вы знаете, с кем вы сейчас говорите?» – спрашивает Воланд. «Знаю, – ответил мастер, – моим соседом в сумасшедшем доме был этот мальчик, Иван Бездомный. Он рассказал мне о вас». — «Как же, как же, – отозвался Воланд, – я имел удовольствие встретиться с этим молодым человеком на Патриарших прудах. Он едва самого меня не свел с ума, доказывая мне, что меня нету!»

Воланд спрашивает мастера о содержании его романа и, узнав, что там говорится о Понтии Пилате, смеется «громовым» смехом. «О чем, о чем? О ком? – заговорил Воланд, перестав смеяться. – Вот теперь? Это потрясающе! И вы не могли найти другой темы?»

Воланд просит мастера дать ему рукопись для ознакомления, но тот говорит, что не может этого сделать, потому что сжег свой роман. «Простите, не поверю, – ответил Воланд, – этого быть не может. Рукописи не горят». Он поворачивается к Бегемоту и приказывает ему подать роман.

Кот соскакивает со стула, и все видят, что он сидел на толстой папке. Маргарита кидается к Воланду и восхищенно кричит: «Вот она, рукопись! Вот она! <...> Всесилен, всесилен!»

И тогда Маргарита просит Воланда вернуть их с мастером в подвал, где они были счастливы. Мастер возражает ей: к прежнему нет возврата, в подвале уже давно живет другой человек, и «вообще не бывает так, чтобы все стало, как было».

«Не бывает, вы говорите? – сказал Воланд. – Это верно. Но мы попробуем». «Тотчас с потолка обрушился на пол растерянный и близкий к умоисступлению гражданин в одном белье, но почему-то с чемоданом в руке и в кепке. От страха этот человек трясся и приседал». Это был Алоизий Могарыч, написавший донос на мастера.

Могарыч в ужасе «понес какую-то околесицу» насчет пристроенной ванны: «одна побелка... купорос...» — «Вон!» – крикнул Азazelло, и Могарыча «перевернуло кверху ногами и вынесло из спальни Воланда через открытое окно».

Мастера беспокоит, что его могут хватиться в больнице. Тут же в руках у Коровьева оказалась история болезни мастера, которая была отправлена в камин, сопровождаемая словами Коровьева: «Нет документа, нет и человека». Затем он дунул на страницу домовой книги — и из нее исчезло имя Алоизия Могарыча. «Могарыч? Какой такой Могарыч? Никакого Могарыча не было».

Воланд пожелал остаться наедине с Маргаритой и мастером и обратился к последнему: «Так, стало быть, в арбатский подвал? А кто же будет писать? А мечтания, вдохновение?» Мастер отвечает, что у него теперь нет ни вдохновения, ни мечтаний, он сломлен и желает только одного — очутиться снова в своем подвале.

«Итак, человек, сочинивший историю Понтия Пилата, уходит в подвал, в намерении расположиться там у лампы и нищенствовать?» – спрашивает Воланд и с улыбкой предвещает мастеру, что роман ему «принесет еще сюрпризы», но все страшное уже позади.

Читатель вновь встречает Воланда и Азazelло «на закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве».

«Воланд сидел на складном табурете, одетый в черную свою сутану. Его длинная и широкая шпага была воткнута между двумя рассевшимися плитами террасы, так что получились солнечные часы. Тень шпаги медленно и неуклонно удлинялась, подползая к черным туфлям на ногах сатаны. Положив острый подбородок на кулак, скорчившись на табурете и поджав одну ногу под себя, Воланд не отрываясь смотрел на необъятное сборище дворцов, гигантских домов и маленьких, обреченных на слом, лачуг».

Из стены башенки, расположенной на крыше, возник оборванный, запачканный в глине мрачный человек в хитоне и самодельных сандалиях — бывший сборщик податей, единственный ученик Иешуа, Левий Матвей.

Воланд с насмешкой осведомляется, зачем пожаловал «незванный, но предвиденный гость». «Я к тебе, дух зла и повелитель теней», — отвечает тот.

Усмешка кривит рот Воланда: «Ты произнес свои слова так, как будто не признаешь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?»

Левий отказывается спорить со «старым софистом» и передает просьбу Иешуа, который ознакомился с сочинением мастера и просит Воланда взять его с собой и наградить покоем. «Неужели это трудно тебе сделать, дух зла?» — «Мне ничего не трудно сделать, — ответил Воланд, — и тебе это хорошо известно. — Он помолчал и добавил: А что же вы не берете его к себе, в свет?» — «Он не заслужил света, он заслужил покой», — печальным голосом проговорил Левий. «Передай, что будет сделано», — ответил Воланд... «Он просит, чтобы ту, которая любила и страдала из-за него, вы взяли бы тоже», — в первый раз моляще обратился Левий к Воланду. «Без тебя бы мы никак не догадались об этом. Уходи».

Посланец Иешуа исчезает, а Воланд приказывает Азазелло лететь к мастеру и все устроить.

На террасе появляются Коровьев и Бегемот, перемазанные сажей и пахнущие гарью. После краткого и как всегда фарсового доклада Бегемота о событиях в Торгсине и в доме литераторов, Коровьев говорит, что они ждут распоряжений.

После долгого молчания Воланд, наконец, вспоминает об их присутствии. «Можете отдыхать. Сейчас придет гроза, последняя гроза, она довершит все, что нужно довершить, и мы тронемся в путь».

«Гроза, о которой говорил Воланд, уже скоплась на горизонте. Черная туча поднялась на западе и до половины отрезала солнце. На террасе посвежело. Еще через некоторое время стало темно. Эта тьма, пришедшая с запада, накрыла громадный город. Исчезли мосты, дворцы. Все пропало, как будто этого никогда не было на свете. Через все небо пробежала одна огненная нитка. Потом город потряс удар. Он повторился, и началась гроза. Воланд перестал быть видим в ее мгле».

После грозы действие переносится на Воробьевы горы, где возникают три черных всадника на черных конях — Воланд, Коровьев и Бегемот. Вскоре к ним присоединяются Азазелло, мастер и Маргарита. В небе стоит разноцветная радуга.

Мастер прощается с городом. Всадники молча ждут его. И вот «над горами прокатился... страшный голос Воланда: «Пора!» — и резкий свист и хохот Бегемота. Кони рванулись, и всадники поднялись вверх и поскакали».

В молчании летят они над туманами вечерней земли, и волшебная ночь изменяет облик всадников. Воланд появляется наконец в настоящем своем обличье. «Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что... эти лунные цепочки и самый конь — только глыба мрака, и грива этого коня — туча, а шпоры всадника — белые пятна звезд».

Местность внизу постепенно тоже меняется: стали видны отблескивающие валуны, а между ними зачернели провалы, в которые не проникал свет луны.

Здесь, на каменистой безрадостной плоской вершине, Воланд показывает Мастеру его героя. Пилат сидит в кресле, погруженный в размышления. Рядом с ним лежит громадная остроухая собака. И человек и собака изредка беспокойно поглядывают на луну, мучаясь бессонницей.

Воланд объясняет мастеру, что теперь у Пилата есть одно единственное желание — закончить разговор с Га-Ноцри.

И вновь спрашивает Воланд: «...Что делать вам в подвальчике? ...Зачем? – продолжал Воланд убедительно и мягко, – о трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта? Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула? Туда, туда. Там ждет уже вас дом и старый слуга, свечи уже горят... По этой дороге, мастер, по этой. Прощайте! Мне пора!» — «Прощайте!» – одним криком ответили Воланду Маргарита и мастер. Тогда черный Воланд, не разбирая никакой дороги, кинулся в провал, и вслед за ним, шумя, обрушилась его свита. Ни скал, ни площадки, ни лунной дороги, ни Ершалаима не стало видно вокруг».